

К.ф.н., профессор,
декан ф-та осетинской
филологии СОГУ
Ш.Ф. Джикаев

Образ пастуха в системе поэтики Коста Хетагурова

Ш.Ф. Джикаев

Поэзия, как ясное небо, кажется прозрачной, но ее бездна полна чудес и неразгаданных явлений; ее красота завораживает, но ее тайны непостижимы. Обманчива простота поэзии Коста Хетагурова. Каждая фраза поэта содержит в себе историческую реальность, каждый образ его таит в своих недрах, помимо прямого значения, миф или предание. Этим чудом творчества обусловлена и многомерность образа пастуха в системе поэтики великого Мастера.

В творчестве Мастера нет ничего случайного, в нем каждый штрих имеет художественную цель и служит задаче создания полноценного образа. Поэзия Коста не теряет своей свежести и актуальности потому, что своими корнями глубоко уходит в историко-культурные традиции своего народа и всего человечества. Всякое новаторство имеет жизненную силу лишь в том случае, когда является результатом развития традиции. Гете утверждал, что в «искусстве едва ли не главенствующую роль играет преемственность» [1]. На голом месте не растут цветы поэзии. «Развитие культуры похоже на течение реки: устремляясь к морю, она всегда остается связанной со своими истоками, – говорит философ. – Есть вечные ценности, пронизывающие века и даже тысячелетия и непрерывно влияющие на развитие мировой культуры. История, как правило, действует по принципу: что вечно, то всегда современно» [2]. Лучшим подтверждением этой истины является творческий опыт Коста Хетагурова.

Особое место в творчестве Коста занимает образ пастуха. Образ – традиционный. Пастух – популярный персонаж мифов, легенд и преданий многих народов мира. И это явление не случайное, его возникновение вполне закономерно, ибо пастух имел важное значение в хозяйственной жизни древнего общества. В «Буколиках» Вергилия пастух с гордостью говорит: «Дафнис я – селянин, чья слава до звезд достигала, стада прекрасного страж, но сам прекраснее стада» (Эклога V, 43–44). Такое прославление пастуха и его труда характерно мифам разных народов.

Культ пастуха способствовал его обожествлению. У хранителей стад появляются мифические боги-покровители. В греческих мифах скотоводам покровительствует сын Зевса, бог Гермес – «благостный вестник богов, над Аркадией многовечной и над Килленой царствует он» (Гомеровы гимны, XVIII). Аркадия – «пасторальный рай, которым правит Пан и который населен пастухами и пастушками... Аркадия тесно связана с идеей Золотого века» [3]. Сам Пан – сын Гермеса и нимфы – «бог веселый пастбищ», мастер игры на свирели. Олимпийцы нередко выступают в роли пастухов. Гермес благодетельный «у смертного мужа пас овец густорунных» (Гомеровы гимны, XIX, 32). Стада царя Адмета пас светозарный бог Аполлон. Его сын Лин – «божественный пастух», певец, подобный Орфею.

Пастухами были и цари: Лаэрт, отец богоравного Одиссея, Анхис, царь дарданов, отец легендарного Энея, героя «Энеиды». Этим трудом занимались и царевичи Парис, Ганимед и другие персонажи античных мифов. Образ пастуха был окружен ореолом славы. Так, пастух Антугор в единоборстве одолел самого Геракла.

Мифы Индии славят бога-пастуха Кришну, его постоянный эпитет – пастырь. Мифологический образ пастуха широко используется библейской мифологией. Пастух – символ Христа как пастыря людей и овец. Искусство часто изображает его в образе пастуха, сидящего среди своих овец и играющего на сиринке или лире [4]. Атрибут пастуха посох стал символом как царской, так и папской власти. Данте вещает: «И папский посох ныне правит светом» (Ад, II, 27).

Нет сомнения в том, что пастух пользовался уважением в скифском мире. По сведениям Геродота, скифы – «конные лучники и промышленны земледелием, а скотоводством» (IV, 46). Описывая жизнь скифов, Страбон приводит цитаты из сочинения Херила, который отмечает: «Саки, пасущие агнцев, рождением скифы» (Кн. VII, гл. III, 277). В «Шах-наме» царь Тахмурес, как культурный герой, учит людей ремеслу, связанному со

скотоводством. Связь европейских и азиатских скифов – факт бесспорный. В.И. Абаев приходит к заключению, что религия Заратуштры крепко «связана с непосредственными нуждами и запросами скотоводческого хозяйства восточно-иранских племен, что «источки зороастризма подводят нас вплотную к скифскому миру, что «скифский быт – это лучший реальный комментарий к Гатам» [5].

Скифский быт и мифология находят многогранное отражение в Нартском эпосе. Нарты – воины, но им часто приходится заниматься пастушеским ремеслом. По одной версии, Сослан – сын пастуха. Спасая стада Нартов от голодной смерти, Сослан пасет их на тучных полях сыновей великана Тара: «Сидит Сослан у своего шалаша, песни поет, на фандыре играет и смотрит за своим скотом...» [6]. Пастухом является и светозарный герой эпоса Ацамаз, гений музыки. У осетин есть добрый и благодетельный бог *Фæлвæра*, покровитель пастухов и домашнего скота. К Нартам благосклонно относится и бог благородных оленей и туров Афсати. Некоторыми чертами он похож на Пана, именно он обладал волшебной свирелью, которую он подарил отцу Ацамаза.

В античной литературе на фольклорной основе возникла пасторальная поэзия – буколики. «Неудовлетворенность жизнью в большом городе привела к идеализации жизни на лоне природы, – пишет С.И. Радциг. – В произведениях поэтов описывается труд простых людей, особенно пастухов, их скромная жизнь. Правда, это не всегда подлинные, реальные пастухи, а скорее существовавшие только в воображении поэтов» [7]. В идиллиях находим описание спокойной, скромной, добродетельной жизни. В идеальном мире аркадцев пастухи предаются любви и поэзии. «Этот мир свободен от тех пороков, в которых моралисты конца республики упрекали римское общество, – от стремления к богатству и сласти, но он свободен и от всяких гражданских обязанностей» [8], – отмечает историк литературы. Пасторальная литература получила новый импульс развития в эпоху Возрождения.

Коста Хетагурову ненавистен мир «трусливых бар, взлелеянных бездельем», он презирает людей, которые совершают позорные поступки «и под маской смирения внимают потом пенью клира и пастырской речи», он ратует за избавление людей «от тяжелых оков повседневных пиров и безделья», но он, как пророк, не бежит в безлюдную пустыню. Он знает, что нет блаженной Аркадии, поэтому его пастухи живут в неуютном реальном мире, в суровых условиях горной Осетии. По его убеждению, жизнь пастуха не лишена поэзии, но в то же время полна забот и страданий. Поэт с болью в сердце говорит: «Лопнет пусть пастух, который лжет, что счастлив он!» («В пастухах»).

Поэзия Коста многоцветна, как сама природа, она полна тайн и загадок, как мироздание. Стихотворение «Прислужник» строится по принципу фольклорной поэтики. Части художественного параллелизма представляют собой народные изречения. Особый интерес вызывает начало песни: «Хæххон фыййау, йæ фос ривæд куы кæнынц, уæд нæ фæзары...» Встает вполне резонный вопрос: почему? Вопрос непростой. Поведение пастуха имеет свои причины. Но какие?

На ситуацию проливают свет сопоставления и сравнения. В греческих мифах Пан – и добрый, и злой, – таким его видим и на холсте М. Врубеля. Он любитель веселья. «Когда же наступает жаркий полдень, Пан удаляется в густую чащу леса или в прохладный грот и там отдыхает, – говорят мифы. – Опасно беспокоить тогда Пана; он вспыльчив и может в гневе послать тяжелый давящий сон или, неожиданно появившись, испугать потревожившего его путника. Наконец, может он насрать и панический страх...» [9]. Такой страх он часто внушает и целому войску.

Вполне возможно, что в осетинской мифологии бытовали аналогичные мотивы, не дошедшие до нас, но известные великому поэту. Выше отмечались сходные черты Пана и Афсати. О схожести их характеров говорит и тот факт, что осетинское божество тоже не терпит, когда нарушают его покой, мешают ему отдыхать в блаженном состоянии: «Чи та нæ хъыгдары? Акæсут ма тагъд!» – возмущается он («Всати»). Можно допустить, что именно такой страх знаком пастуху, поэтому в жаркий полдень (ривæдафон) он не нарушает песней тишину и покой отдыхающего бога.

Обычно стихотворение Коста «Безумный пастух» наши филологи воспринимают как произведение для детей и включают его в программу начальных классов. Очевидно, ради того, чтобы дети на скучном уроке посмеялись над глупым поступком безумца. Однако поэт-гуманист вряд ли стал бы потешаться над гибелью бесталанного горемыки.

Тягостную жизнь пастуха в какой-то мере скрашивает романтика природы. Коста в очерке «Особа» пишет, что 11–12-летние пастухи и пастушки над черной пропастью, «сладко разваливаясь на самом гребне горных высот, не могли, конечно, в этом постоянном одиночестве и созерцании величия и красот окружающей природы избежать могучих чар поэзии» (IV, 344). А где поэзия, там и мечты, и душевные порывы, и «безумные» поступки.

Нет сомнения в том, что безрассудный поступок пастухом совершен в состоянии аффекта, в состоянии сильного психологического возбуждения. Подобное желание испытывают дети, когда под собой видят белопенные облака из

иллюминатора самолета. Имеются и другие примеры. В известном романе Шарля Нодье «Жан Сбогар» героиня слышала рассказы «о головокружении, которое внезапно нападает на пастуха, когда, преследуя своих коз, он оказывается на самой вершине одного из гигантских альпийских хребтов и, обольщенный вдруг собственным воображением, где, словно в магическом зеркале, вращаются лежащие вокруг него пропасти, сам бросается в эту страшную бездну, не способный противиться силе, которая одновременно и отталкивает и манит его» (VII). Можно допустить, что Коста был знаком с романом, которым зачитывалась пушкинская Татьяна Ларина. Но основой сюжета стихотворения, несомненно, послужили местные рассказы и предания. Многие басни поэта – развернутые пословицы. Поэт в записной книжке зафиксировал поговорку: «<Чидæр> хохи сæрæй мигъмæ бæмбæг æнхъæл рагæпп кодта æмæ наххæррæгъ» (V, 363) – «Некто облако принял за вату, прыгнул и разбился». Содержание поговорки поэт превратил в сюжет стихотворения. Коста создает яркую поэтическую картину, в которой динамизм действия гармонично сочетается с психологическим состоянием персонажа.

Непросто расшифровать трудно объяснимое чувство пастуха. Но несомненно одно: он стал жертвой своего воображения. Пушистая «шерсть» из тумана, которую он принял за ложе неги и счастья, оказалась миражом. Человек, утомленный безотрадной жизнью, предается мечтам, чаще всего несбыточным, начинает жить в мире грез и заманчивых видений. Фата-Моргана, как пение сирен, как пастырская речь, манит жаждущих блаженства в пропасть призрачной красотой. Часто мечты о «красивой» жизни приводят человека в яму разврата, пошлости и духовного гниения. Простой, незатейливый сюжет стихотворения раскрывает перед нами картину безысходности, показывает крушение стремлений человека, трагедию искателя счастья. В одном стихотворении поэт с сожалением говорит о тщетности своих усилий: «Ах, сколько лжи! Какой оазис чудный / Мне грезились, как прихотлив обман!.. / В каких степях, в какой пустыне знойной / Мечтал я жизнь цветущую создать!» Кажется, что здесь кроется ключ к разгадке тайны судьбы безумного пастуха. Поэт показал нам трагедию человека, пожелавшего стать выше своей судьбы. В аллегории заключена глубокая жизненная правда. Безумство пастуха – это поэзия риска, страстное стремление к цели на пути познания, на пути преодоления мрачного однообразия быта. Таково философское содержание данного стихотворения, в котором, как в бессмертном ро-

мане Сервантеса, происходит художественное слияние комического и трагического.

В более реалистической манере написано стихотворение «Без пастуха». Беспомощный перевод не дает ни малейшего представления о его поэтических достоинствах. Речь в нем идет о хорошем пастухе, который зорко следит за стадом, не теряет его следа даже в густых зарослях, не спит над пропастью. Он – пастырь народа, его предводитель и вождь, который силой разума хранит единство своей паствы, ведет ее к заветной цели. В этике поэта эта цель – свобода, равенство и просвещение.

Слово поэта и в современных условиях звучит актуально и тревожно. В водовороте истории малочисленный народ не может чувствовать себя в безопасности, над ним висит дамоклов меч судьбы, социальные катаклизмы создают угрозу его физическому существованию, на грани исчезновения находятся его самобытность, язык и культура. В таком напряженном положении нужна национальная идея – *фарны хъæр, фарны дзырд* – средство спасения народа, его свободы и достоинства. В трагическом стихотворении «Додой» («Горе») Коста взывает к такому пастырю, который станет способным к воплощению воли народа.

Типический образ пастуха реалистическими красками создан в поэме «Кто ты?». В нем воплощены характерные черты горца-труженика: человечность, трудолюбие, стойкость, оптимизм. Сила воли, разум, находчивость – отличительные особенности героя сказки «В пастухах». Его поэтическому воображению и красноречию мог позавидовать барон Мюнхгаузен. Он – олицетворение народной мудрости и творческого вымысла.

Пастух в художественной интерпретации Хетагурова – дитя природы и свободы, гармонично развитая личность; он певец, сказитель, мастер танца; кроме того, он хранитель народной мудрости, знаток фольклора и традиционной культуры. Во вступлении к осетинской легенде «Плачущая скала» Коста отмечает фольклорную основу предания: «Давно, в младенческие годы, его поведал мне пастух». Этим признанием поэт подчеркивает достоверность своего повествования, ибо, как отмечал древнегреческий оратор Исократ, «если предание всюду знают и часто рассказывают, то оно – старинное и заслуживает доверия» (Панегирик, 30). Имеет глубокий смысл и тот факт, что современник великого поэта Сека Гадиева свой сборник поэтических творений назвал «Ирон фыййау» – «Осетинский пастух» (1905 г.).

Творческие силы пастуха пробуждает природа – «очей очарованье». Красота – источник вос-

хищения и вдохновения. «Раб – нерадив», – утверждает Гомер, – неволя убивает в нем чувство красоты и он лишен поэтического воображения. На лоне природы человек чувствует приволье, свежие впечатления и ощущение свободы окрыляют его творческую фантазию, и свет души превращается в музыку и поэзию. Герой поэмы «Перед судом» говорит восторженно и гордо о радости творчества, о светлом состоянии внутреннего мира пастуха-человека:

*Немало зарождали дум
Во мне красоты мироздания;
Потока горного журчанья
И грозный водопада шум
Ласкали часто на свободе
Таковыми песнями мой слух,
Каких не знал никто в народе, –
Их пел, их ведал лишь пастух.*

Искусство возвышает человека. В творчестве человек обретает свободу. В осетинском фольклоре певец и сказитель пользуется почетом и уважением. «Цикл Ацамаза, – пишет В.И. Абаев, – дает нам повод отметить великую любовь Нартов к музыке» [10]. Свирель Ацамаза ценилась выше всех сокровищ рода, арфа Сырдона для Нартов стала дороже жизни. В преданиях певец и музыкант в борьбе за любовь красавицы одерживает победу над знатными и богатыми соперниками. И герой поэмы «Перед судом» своим искусством снискал любовь гордой княгини, заслужил уважение народа. Он говорит: «Я был пастух, но человек». Такое нравственное сознание делает простого труженика счастливым, хотя в мире зла и насилия это счастье оказывается хрупким и недолговечным.

Жизнь и судьба пастуха наиболее яркое воплощение получили в маленькой поэме «Кубады». Это произведение – шедевр, венец поэтического творчества; впрочем, оно кажется нерукотворным. В нем чувствуется божественное откровение. Что ни слово, то – *цыкурайы фæрдыг* – волшебная бусина; что ни фраза, то – философское обобщение. Прав поэт Е. Баратынский, когда утверждает, что плоды науки и всех опытов – «точный смысл народной поговорки». Почти все фразы поэмы стали крылатыми, пословицами и поговорками. Они дают исчерпывающие ответы на сложные житейские вопросы, на проблемы познания. Картины – колоритные, образы – многомерные, слова – объемные. Перед нами жизнеописание героя-сироты, пастуха, певца-сказителя. Его судьба потрясает и трагичностью, и непостижимой красотой человеческого духа.

Кубады певцом стал на лоне природы. Кручина, красота и мечты вызывают творческое го-

рение. Волшебная музыка Ацамаза подобно солнцу вызывает весеннее цветение и ликование животного мира. Искусство Кубады пронизано более реальным содержанием. Мечты певца – это сокровенные желания крестьян-земледельцев и скотоводов. Но не хлебом единым жив человек. Венец его желаний – век свободы. Именно жажда свободы одухотворяет мечты и думы певца. Поэтому содержание его песен – многогранное, многоцветное, многозначное: мечты орла, раскаты грома, плач ветра, боль раненой лани, игра водопада. Все метафоры имеют символическое значение. Они – атрибуты полноценной жизни, означают стремление к высокой цели, движение, способность к сопереживанию, к восприятию красоты, борьбу за идеалы добра и свободы. Словом, творчество певца-пастуха – это полноценная поэзия с глубоким идейно-эстетическим содержанием.

Судьба Кубады примечательна во многих отношениях. Пастухи Вергилия поют на досуге (Эклога IX, 67). Кубады не следует этому принципу. Аполлон предавался своему искусству, невнимательно следил за стадом, и Меркурию удалось незаметно увести это стадо. К. Паустовский в повести о Тарасе Шевченко пишет, что юный кобзарь был плохим пастухом. Поэзия отвлекала и Кубады от основного занятия. Утеря части стада вынудила его оставить родные места. Он стал профессиональным певцом-сказителем. Скитался по городам и весям Кавказа, с радостью принимали его в питейных заведениях Тифлиса, культурного центра Закавказья.

Но судьба изменчива. Певец слепым вернулся на родину. Теперь его мир – это *ныхас* аула. *Ныхас* – место досуга, очаг культуры осетин. Сырдон услаждал Нартов своей чудесной музыкой на *ныхасе*. Коста следует древней традиции. А.А. Тахо-Годи пишет: «Традиция предписывала божественному певцу быть слепым. Умственное внутреннее зрение и прозрение – присущие мудрецам и пророкам» [11]. Гомер – слепой, один из персонажей «Одиссеи» – слепой певец (VIII, 63–64). В осетинских преданиях и в поэме А. Кубалова создан впечатляющий образ слепого певца Бибо. С. Гадиев одному из своих сборников дал название «Куырма фæндырдзæгъдæг». Вслед за Гомером Виктор Гюго говорит о слепом поэте: «Очами он ослеп, но духом он прозрел, и тьма его полна немеркнувшего света». Таким же поэтом-певцом был пастух Кубады.

Талант сердцем чувствует биение пульса жизни, дыхание природы. Поэтам удается великолепно выразить любовь человека к природе. В поэме Коста – невыразимое чудо. Горы, скалы, дерево проявляют беззаветную любовь к пастуху, они поют и делятся с ним своими

тайнами. Проникновение во взаимосвязь человека и природы выражено в такой художественной полноте, что картина производит чарующее впечатление. Бетховен утверждает, что только искусство и наука «возвышают человека до божества» [12]. Возвышение пастуха-певца –

это торжество человеческого духа, разума и творчества. Так в системе поэтики Коста Хетагурова образ пастуха стал символом пастыря людей, символом творца и хранителя Слова – воплощения мудрости, любви и созидания.

Литература

1. **Эккерман Иоганн Петер.** Разговоры с Гете. – М.: ХЛ, 1981, с. 194.
2. **Спиркин А.Г.** Человек, культура, традиция // Традиция в истории культуры. – М.: Наука, 1978, с. 8–9.
3. **Холл Джеймс.** Словарь сюжетов и символов в искусстве. – М.: Крон-Пресс, 1999, с. 83.
4. **Символы, знаки, эмблемы:** Энциклопедия. – М.: ЛОКИД_ПРЕСС, 2005, с. 361.
5. **Абаев В.И.** Скифский быт и реформа Зороастра // Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. – Владикавказ: Ир, 1990.
6. **Сказания о Нартах.** Осетинский эпос. – М.: Советская Россия, 1978, с. 145.
7. **Радциг С.И.** История древнегреческой литературы. – М.: Высшая школа, 1977, с. 450.
8. **Тронский И.М.** История античной литературы. – М.: Высшая школа, 1983, с. 353.
9. **Кун Н.А.** Мифы и легенды Древней Греции. – М.: – СПб.: Полигон, 2005, с. 114.
10. **Абаев В.И.** Избранные труды. – Владикавказ: Ир, 1990, с. 201–202.
11. **Тахо - Годи А.А.** Гомер, или Чудо как реальный факт // Лосев А.Ф. Гомер. – М.: Молодая гвардия (ЖЗЛ), 2006, с. 5.
12. **Альшванг А.** Людвиг ван Бетховен. – М.: Музыка, 1977, с. 293.

КОСТА В ФОТОГРАФИЯХ

В выставочном зале Союза художников РСО-А прошла выставка, посвященная 150-летию со дня рождения Коста Хетагурова.

На ней экспонировались более 120 работ, созданных в разное время 60 авторами, принадлежащими к разным поколениям. Все произведения посвящены жизни и творчеству великого Коста. Выставка лишний раз показала, что интерес к наследию К. Хетагурову не ослабевает.

Казбек Хетагуров. «Коста»

Азанбек Джанаев. «Коста-художник»

Магрес Келехсаев. «Коста в своем окружении»